

та долі конкретної людини.

Ключові слова: авторський відступ, історіософська концепція, пенталогія, історична белетристика, історіософський дискурс, сімейна хроніка, історичний роман.

SUMMARY

Karpina E. S. Author's Digressions of Vs. S. Solovyov's Pentalogy "The Chronicle of Four Generations" as the Form of Expression of the Fiction Writer's Historiosophical Conception.

The article is dedicated to the detailed study of the author's digressions of the historiosophical nature included in the pentalogy "The Chronicle of Four Generations" by Vs. S. Solovyov. They are considered by the author as one of the forms of expression of the historiosophical conception of the novelist which was organically embodied in his program literary work. He reflects in them on the following problems: personality as the main mover of history; perishability of all things; importance of the history lessons for humanity and need to cultivate respect for the past among posterity; death and life; immortality of the prominent personalities who left a significant mark on the world history; randomness and necessity in the history and the fate of a particular person.

Key words: author's digression, historiosophical conception, pentalogy, historical fiction, historiosophical discourse, family chronicle, historical novel.

*C. A. Комаров
(г. Бахмут)*

УДК 821.161.1-3

ИНТЕРТЕКСТ РУССКОЙ ПОЭЗИИ В КНИГЕ ОЧЕРКОВ

А. В. АМФИТЕАТРОВА «ГОРЕСТНЫЕ ЗАМЕТЫ»

Творчество А. В. Амфитеатрова, очень известного в начале XX века русского писателя, долгое время находилось на периферии научных поисков, что можно объяснить не только фактом эмиграции автора в конце гражданской

войны, но и проявляющейся в большинстве его произведений, в том числе и художественных, установкой на оперативность и злободневность. Многие его тексты просто утратили свою актуальность, остались в рамках своей эпохи. Тем не менее, проза А. В. Амфитеатрова представляет интерес с точки зрения формальных особенностей: синтетичной жанровой структуры, стилистической неоднородности, многогранности в использовании художественных средств, среди которых особое место занимает интертекстуальность – апелляция к традициям, мотивам, образам русской и мировой литературы, игра с историческими фактами, мифологическими, литературными аллюзиями и цитатами. Данным фактором, в том числе, объясняется причина нашего обращения к творчеству этого писателя, книге очерков «Горестные заметы» (1921), в частности.

Публицистика и документалистика А. В. Амфитеатрова еще не становились объектом системного изучения. Исследователи только указывали на определенные свойства их поэтики. Так, в диссертации Ю. А. Сотниковой при анализе наиболее известного «большого» текста автора – романа «Восьмидесятники» – для иллюстративности привлечены памфлеты и статьи журналиста [9]. Е. Боташева обращает внимание на публицистическую составляющую в театральной критике А. В. Амфитеатрова [2]. В послесловии В. Е. Красовского к первому в Советском Союзе (1989) изданию его произведений предлагается характеристика творческого пути писателя с акцентом на его работу журналиста [5]. В одной из последних публикаций мы уже затрагивали вопрос о роли интертекста в «Горестных заметах» А. В. Амфитеатрова, анализируя исторические и библейские параллели [4]. В предлагаемой статье мы рассмотрим значение и функции отсылок на творчество русских поэтов XIX века в данной книге. В этом и состоит цель исследования.

Публицистические тексты являются важной частью наследия А. В. Амфитеатрова. Он сам часто говорил о приоритете для него именно журналистской деятельности. Писатель сотрудничал в газетах и журналах

различной политической направленности, печатал очерки, фельетоны, рецензии, статьи разнообразной тематики. Очерки, составившие книгу «Горестные заметы», создавались в первые месяцы его эмиграции в 1921 году в Финляндии. Проникнутый пафосом резкого неприятия большевизма, цикл ярко демонстрирует не только политические взгляды автора, но и его приверженность идеалам гуманизма.

Богатейшая интертекстуальность «Горестных замет» служит вспомогательным инструментом в раскрытии идейно-проблемного слоя книги. Если касаться только литературных аллюзий и цитат, которыми насыщены очерки, то следует подчеркнуть разнообразие источников – это не только русская литература (кроме отсылок на лирические тексты, которые мы рассмотрим подробно, здесь присутствуют, в частности, образы и мотивы из творчества Н. М. Карамзина, И. А. Крылова, М. Е. Салтыкова-Щедрина, А. Н. Островского, Гл. Успенского), но западноевропейская классика (Платон, Дж. Боккаччо, У. Шекспир, Вольтер, Г. Гейне, Г. Уэллс).

Интертекст русской поэзии проявляется в «Горестных заметах» как иллюстративно-образное средство в авторских суждениях на разные темы. Прежде всего, следует оговорить использование пушкинских аллюзий. Само название книги – это фрагмент посвящения, предваряющего «Евгения Онегина»: «Небрежный плод моих забав / ...Ума холодных наблюдений / И сердца горестных замет» [8, Т. 6, с. 3]. Писатель обыгрывает эту фразу в предисловии: «очень старался выдерживать объективный тон и “сердца горестные заметы” умерять “ума холодными наблюдениями”. Если это не всюду мне удалось, вина в том не моя, но чудовищных явлений и событий, на которые я откликаюсь» [1, с. 487]. Так утверждается фактор субъективности тона, противоречащий изначальной интенции.

В очерке, открывающем цикл, красноречиво названном «Вымирающий Петроград», показаны негативные последствия политики Советов, выразившиеся, в частности, в повышении уровня смертности, «обезлюдении» северной столицы: большевики, по мнению А. В. Амфитеатрова, разбудили в

народе «тягу к разброду», вскрыли «мелочное рабство закабаленных масс» [1, с. 488]. Размышляя о настоящем и будущем Петрограда, автор цитирует начальные строки «Медного всадника» А. С. Пушкина и далее продолжает образный ряд, апеллируя в современности: «“на берегу пустынных волн стоял Он, дум великих полн, и вдаль глядел”. Да! Глядеть-то глядел, но, чтобы из великих дум Его, в отдаленном потомстве, выросло зиновьевское удельное княжество, – этого ошеломляющего результата Он, конечно, не предвидел. А то, пожалуй, и от великих дум отказался бы, и своего любезного “Парадиза”, Санкт-Петербурга, строить бы не решился» [1, с. 490]. В этой смоделированной очеркистом картине горькая ирония соединена с осуждением советской власти.

Сквозной темой книги «Горестные заметы» является изображение судеб русской интеллигенции в годы революции. А. В. Амфитеатров посвящает отдельные очерки памяти недавно ушедших писателей и журналистов, рисуя их творческие и личностные портреты. При этом широко привлекается исторический и литературный интертекст. Так, в очерке «Н. С. Гумилев», написанном вскоре после трагической гибели поэта, автор сравнивает большевистскую революцию с Великой французской и проводит параллель между Гумилевым и Андре Шенье – оба стали жертвами революционного террора. Опираясь на личные воспоминания об основателе акмеизма, А. В. Амфитеатров пытается воссоздать его облик как творца и человека. В данном контексте цитируется стихотворение А. С. Пушкина «Поэт и толпа»:

«Не для житейского волненья,
Не для корысти, не для битв,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв...» [1, с. 518].

Эта отсылка необходима очеркисту для акцента на всецелой преданности Н. С. Гумилева делу поэзии. Автор «Пути конквистадоров» образно назван «жречески важным стихотворцем-гиерофантом», который своими стихами «как *будто* возносил на алтарь дымящуюся благоуханием жертву богам» [1, с. 518]. Пушкинский интертекст расширяется за счет привлечения неточной цитаты из

одного письма русского классика: «Пушкин рассказывает о ком-то из своих сверстников, что тот гордо хвалился: “В стихах моих может найтись бессмыслица, но проза – никогда!”» [1, с. 519]. В комментарии к ней выражается убежденность, что это было и кредо Н. С. Гумилева. Цитата усиливает заявленный мотив служения поэзии в портрете расстрелянного творца.

В очерке «Кровь, к небу вопиющая», выступающем резкой инвективой большевикам в антигуманной политике (повествуется, прежде всего, о деятельности ЧК), вынесенный в заголовок образ «крови» становится сквозным и в разных вариациях входит в состав эпитетов: «кровавые фарсы» [1, с. 505], «обескровленное ... петроградское общество» [1, с. 507], «окровавленная тень» [1, с. 509] – использование такого приема подчеркивает антисоветский пафос текста. Этой же цели служит патетический финал: «Выкупались, обагрились с головы до ног в крови неповинной, – и теперь, уж именно, “всею своею черною кровью” не смыть им с себя праведной крови этой!..» [1, с. 510], обобщающий основную идею. Закавыченная в нем цитата – несколько измененный фрагмент стихотворения М. Ю. Лермонтова «Смерть поэта»: «И вы не смоее всей вашей черной кровью / Поэта праведную кровь» [6, с. 158]. Шедевр автора «Героя нашего времени», пронизанный пушкинскими реминисценциями, соединяющий элегическое и ораторское начала, оказался созвучным негодованию А. В. Амфитеатрова по поводу уничтожения русской интеллигенции новой властью.

Важное место среди интертекстуальных связей книги «Горестные заметы» занимают цитаты и аллюзии на произведения Н. А. Некрасова. В уже упоминавшемся первом очерке цикла приведено высказывание из стихотворения «Убогая и нарядная» (1860), повествующего о судьбе проститутки:

«Цинизм твой доходит до грации!

Есть геройство в бесстыдстве твоём!» [1, с. 491].

Цитата возникает как иллюстрация характера Н. М. Анцеловича,

известного в свое время большевистского деятеля, «главного специалиста по обработке рабочих масс» [1, с. 491]. Посредством этого интертекста автор доказывает лицемерие, равнодушие ленинской партии к бедам народа, ловко манипулирующей его слабостями, а также продажность – на эту черту напрямую указывает первоисточник. Названный «героем безгранично широкой лжи, ослепительно щедрых посулов и клятвенных заверений, никогда не исполняемых» [1, с. 491], этот «фанатик коммунизма» выступает обобщенным образом новой власти.

В очерке «Памяти Абрама Евгеньевича Кауфмана» цитируются некрасовские «Сцены из лирической комедии “Медвежья охота”» (1867) [7, Т. 3, с. 5–22]. Данный текст не является пьесой в чистом виде, это скорее диалоги на общественно-политические темы. По наблюдениям комментаторов этой небольшой поэмы, в ней предпринята «попытка пересмотреть отношение к российскому либерализму, к людям 1840-х гг.» [7, Т. 3, с. 395]. Неслучайно А. В. Амфитеатров помещает фрагмент из Некрасова («Воплощенной укоризною, / Мыслью честен, сердцем чист, / Он стоял перед отчизною, / Либерал-идеалист...» [1, с. 491]) в очерк, посвященный памяти известного журналиста и деятеля культуры, после революции занимавшегося просветительской работой, а также руководившего Обществом взаимопомощи литераторов и ученых.

В портрете А. Е. Кауфмана автор превозносит такие его человеческие качества, как честность и бескомпромиссность, позволяющие смело отстаивать идеалы гуманизма и выражать открытое несогласие с политикой большевизма. Это, считает очеркист, и послужило причиной преждевременного ухода. Мотив «укоризны», взятый у Н. А. Некрасова, разворачивается под пером публициста в противопоставление «дипломатического таланта» и «убедительности» этого «либерала-семидесятника» произволу властей: «злое упрямство обломов и хамов, возглавляющих исполкомы, чека, райкомы и прочие милые учреждения, от дуновения коих ныне зависит, быть или не быть мыльному пузырю – жизни и свободе петроградского интеллигента» [1, с. 595].

Примечательно, что образ «либерала-идеалиста» из стихотворения

Н. А. Некрасова возникает и в романе Ф. М. Достоевского «Бесы». На смысл внедрения интертекста обратила внимание Е. А. Дубеник: «Цитаты из “Медвежьей охоты” используются при многоассоциативном принципе создания образа Степана Трофимовича Верховенского, встраивая его в галерею “лишних людей”, которым посвящена некрасовская поэма» [3, с. 150]. Следует подчеркнуть, что в отличие от Ф. М. Достоевского, раскрывающего тип либерала иронически, А. В. Амфитеатров показывает его с симпатией и, как можно понять из темы и общего тона очерка, с большой долей сочувствия.

Заголовок заключительного очерка книги красноречиво дублирует название классической поэмы – «“Кому на Руси жить хорошо”». Автор стремится найти современный ответ на некрасовский вопрос. И для этого, опираясь на факты, приводя статистические данные, описывает жизнь различных социальных слоев при Советах. Нигде он не находит положения вещей, способного вызвать оптимизм: «Интеллигенции живется нестерпимо скверно» [1, с. 601]; рабочим, как ни странно, – «тоже безрадостно» [1, с. 602]; солдатский класс «голодал, холодал, нищенствовал по улицам и частным квартирам, был оборван, разут, недоволен, ворчал, шумел» [1, с. 603]. Повсюду наблюдаются недовольство и презрение, тогда за счет кого советская власть («насквозь прогнившая, трупная, разложившаяся» [1, с. 605]) остается на плаву и даже укрепляется – вопрошает писатель. Ответ кроется в только возникшем общественном явлении, который назван «новым средним классом, новой буржуазией» [1, с. 605]. Его «незаметно» создали сами большевики – в основной своей массе из спекулянтов и «захватчиков чужого имущества» [1, с. 608], последовавших пресловутому лозунгу «Грабь награбленное». А. В. Амфитеатров замечает, что средний класс всегда является опорой правительств, и сложившаяся в ходе гражданской войны ситуация вполне закономерна. Поэтому, развивается мысль автора, декларации о том, что новое государство – «социалистическое», «рабоче-крестьянское», являются сплошным лицемерием, фактически оно «полицейски-хищническое» [1, с. 605].

Подробно характеризуя качественный состав «новой буржуазии», публицист обращает внимание на ту его немногочисленную часть, которая

вышла из дореволюционной интеллигенции. Это «люди, загнанные в соглашательство ...с бытовыми условиями, большевизмом продиктованными после долгой маяты в крайней нужде, холоде и голоде, переутомленные физическим трудом, а, главное, утратившие надежду на избавление» [1, с. 610], т. е. слабые, сдавшиеся интеллектуалы, пошедшие на сотрудничество с новыми хозяевами жизни ради материального благополучия. И здесь вновь цитируется «Медвежья охота» Н. А. Некрасова: «устали / Свой крест нести: / Покинул их дух мести и печали / На полпути...» [1, с. 609]. Речь идет о тех же либералах, не выдержавших новых, жестких, социально-политических реалий. И у Амфитеатрова, и у Некрасова приведенные слова не несут оттенка осуждения или критики, скорее – выражают авторское сочувствие и, отчасти, сожаление о нереализованных возможностях.

Таким образом, интертекстуальные включения русской классической поэзии (из стихов А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. А. Некрасова) в «Горестных заметах» воплощаются, преимущественно, в виде цитат. Они выступают иллюстративным материалом определенных наблюдений и суждений автора по основным проблемам цикла. Прежде всего, это развенчание антигуманной политики большевиков и вопрос о положении интеллигенции в советском обществе. Перспектива исследования заключается в дальнейшем анализе форм и функций интертекстуальности книги А. В. Амфитеатрова. Особый интерес представляет изучение реминисценций из западноевропейской литературы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амфитеатров А. В. Горестные заметы. *Амфитеатров А. В. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 10. Кн. 2. Мемуары. Горестные заметы. Воспоминания. Портреты. Записная книжка. Пародии. Эпиграммы.* Москва: НПК «Интелвак», ОО «РНТВО», 2003. С. 487–610.
2. Боташева Е. М. Театр и социум в публицистике А. В. Амфитеатрова. *Philologos.* 2012. Вып. 13. С. 18–26.
3. Дубеник Е. А. Литературные ассоциации в романе Ф. М. Достоевского «Бесы»: типология приемов создания (цитаты, реминисценции, аллюзии).

Филология и человек. 2010. № 4. С. 148–153.

4. Комаров С. А. Поэтикальные особенности книги А. В. Амфитеатрова «Горестные заметы»: жанровые корреляции и интертекстуальность. *Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. Серія «Філологія»*. 2019. Вип. 82. Харків, 2019. С. 18–23.

5. Красовский В. Е. Александр Амфитеатров журналист и писатель. *Амфитеатров А. Закат старого века: Романы, фельетоны, литературные заметки*. Кишинев: Литература артистикэ, 1989. С. 632–650.

6. Лермонтов М. Ю. Сочинения: В 2. т. Москва: Правда, 1988-1990. Т. 1. 1990. 720 с.

7. Некрасов Н. А. Полное собрание сочинений и писем: в 15 т. Санкт-Петербург: Наука, 1981–2000.

8. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 19 т. Москва: Воскресенье, 1994–1998.

9. Сотникова Ю. А. А. В. Амфитеатров и его роман «Восьмидесятники» в социокультурном контексте 1880-х – начала 1900-х годов: автореферат дисс. ...канд. филол. наук: спец. 10.01.01. «Русская литература». Тамбов, 2006. 22 с.

АНОТАЦІЯ

Комаров С. А. Интертекст російської поезії у книзі нарисів О. В. Амфітеатрова «Горестные заметы».

Стаття присвячена розгляду інтертекстуальних зв'язків книги О. В. Амфітеатрова «Горестные заметы» з російською класичною поезією. На матеріалі текстів публіцистичних нарисів, що склали цикл, показано змістовне навантаження включених у твір алюзій і цитат з віршів О. С. Пушкіна, М. Ю. Лермонтова, М. О. Некрасова. Ліричний інтертекст книги виступає ілюстративним матеріалом авторських спостережень і думок з приводу основних проблем, виконує функцію образного розкриття антибільшовицького пафосу, допомагає відтворенню долі російської інтелігенції під час революції.

Ключові слова: нарис, інтертекстуальність, цитата, алюзія, більшовизм, інтелігенція.

SUMMARY

Komarov S. A. Intertext of Russian Poetry in A. V. Amfiteatrov's «Woeful Notes».

The article is dedicated to the investigation of the intertextual connections of A. V. Amfiteatrov's «Woeful Notes» with Russian classical poetry. On the material of the publicistical essays that compiled the book the author of the article shows meaningful load of allusions and quotations from the poems by A. S. Pushkin, M. Yu. Lermontov, N. A. Nekrasov. The lyrical intertext of the book serves as illustrative material of the writer's observations and opinions on the main problems, has a function of a figurative exposition of anti-Bolshevik pathos, helps to reproduce the fates of Russian intelligentsia at the revolution.

Key words: essay, intertextuality, quotation, allusion, Bolshevism, intelligentsia.

*Т.М. Марченко
(г. Бахмут)*

УДК 82. 091

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР КАК ОБЪЕКТ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЦЕПЦИИ В АНГЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА

На рубеже XVIII-XIX веков, на закате Просвещения и быстрого распространения нового романтического мировосприятия, уровень культурно-исторического и социально-политического развития большинства европейских стран привёл к актуализации понятий «народ», «нация», «национальная память», «дух нации», «национальная самобытность», «национальный характер». Реализм, пришедший на смену романтизму, наполнил названные понятия новыми смыслами, все они приобретают статус эстетических категорий, активно осмысляются общественным сознанием, а результаты этого осмысления прямо или косвенно отражаются на страницах литературных текстов. Очень интересен этот процесс в английской литературе, накопившей